

Бай Вэньгуань, уже распробовавший сладость близости, вовсе не злился. Вспоминая всё произошедшее, он находил ситуацию — и своё поведение, и поведение маленького Омеги — донельзя глупой, до того глупой, что это даже смешило.

Однако его маленький Омега оказался таким наивным. Он даже не догадался купить тест, чтобы всё подтвердить, а сразу, срывающимся от слёз голосом, выпалил, что беременен.

Как же можно оставить такое милое создание в таком далёком и неудобном месте? Бай Вэньгуань ворочался в постели, не в силах уснуть. Привыкнув засыпать, вдыхая аромат улуна, он теперь чувствовал себя так, словно его лишили жизненно важного лекарства.

Он решил: раз возникла мысль, её нужно воплотить в жизнь.

Три часа ночи.

— Цзян Тяньлэй, купи дом по соседству с моим. Цена значения не имеет, — распорядился он, немедленно набрав номер.

Бедняга Цзян Тяньлэй, только-только разобравшись с пиар-скандалом и наконец-то добравшийся до подушки, снова проснулся от звонка босса. Он пробормотал:

— Хорошо, босс...

В этот момент в нём вспыхнуло честолюбивое желание бросить всё, вернуться домой и унаследовать миллиардное состояние.

На следующее утро мысли о наследстве испарились — это было совсем не то, ради чего он начинал свою карьеру. Цзян Тяньлэй в приподнятом настроении связался с владельцем соседнего дома и озвучил намерение его купить.

— Сколько вы хотите? — вежливо поинтересовался Цзян Тяньлэй.

— Ну, миллионов шестьдесят, наверное... — замялся хозяин, сомневаясь, не слишком ли высокую цену он загнул.

— Шестьдесят шесть миллионов, пусть будет на удачу!

— По рукам!

...

Мир богачей такой дружелюбный.

Маленький Омега смотрел на рубашку у своей кровати и нежно прижал её к груди, вздохнув. Сейчас он был в состоянии постоянной тревоги: он боялся, что его Альфа оттолкнёт его. Их встреча сама по себе была случайностью, и если бы не та путаница с улуном, они с Бай Вэньгуанем так и остались бы двумя параллельными линиями, которым никогда не суждено пересечься.

На телефон пришло уведомление из группы массовки, в которую он вступил ранее.

— Требуются пять человек на роли слуг в чайной, действие происходит в эпоху Китайской Республики. Записывайтесь скорее.

Янь Сюй нажал на кнопку участия. Лучше пойти работать — по крайней мере, работа отвлечёт от пустых мыслей.

Он кое-как пригладил волосы, поправил помятую одежду. В конце концов, на обед нужно было заработать.

На трёхэтажном здании чайной Юсы, украшенном красными фонарями, колыхались на ветру портьеры. У входа остановилась рикша. Пассажир был одет в ярко-красное ципао с вышивкой пионов и высокими разрезами, открывавшими стройные ноги. В руке он держал веер, которым лениво обмахивался, а на голове красовалась шляпка в западном стиле. Лицо скрывала тонкая вуаль.

— О, а вот и наш прославленный актёр Чжоу! Проходите скорее, мы вас уже ждали.

Сделав шаг в туфельках на красную дорожку, актёр прикрыл лицо веером и обратился к встречавшему его владельцу:

— Господин маршал уже прибыл?

— Не волнуйтесь, он ждёт вас в кабинете наверху, чтобы посмотреть на ваше выступление!

— Снято! — крикнул режиссёр, наблюдавший за монитором, и быстрым шагом подошёл к актёру. — Ты играешь актёра, переодетого в женщину, от тебя требуется женственность! Почему ты выглядишь так, будто собрался на поле боя?

Актёр, Юй Сян, сдёрнул вуаль с лица:

— Режиссёр Линь, я даже маршала ещё не видел, как я могу изобразить кокетство?

— А что, если бы тебя не пометили насильно, ты бы не смог сыграть падшую девушку?!

Все притихли. Каждый знал, что у Юй Сяна нет ни капли актёрского мастерства, а всю гамму эмоций он заменяет каменным лицом, которое выдаёт за холодную отстранённость. И это было даже хуже, чем у Бай Тайнина.

Но в отличие от Бай Тайнина, за спиной которого стоял капитал, позволявший открыть собственную компанию, Юй Сян держался лишь на имидже красавца, созданном его агентством.

Янь Сюй, стоявший рядом с владельцем чайной в фартуке и с тряпкой на плече, вдруг не сдержался и приснул со смеху.

Фраза про падшую девушку попала в точку — он чувствовал, что его собственный опыт похож на историю падшего юноши...

В тот же миг все — ассистенты, массовка и главные актёры — уставились на него. В глазах Юй Сяна, казалось, сверкнули ножи, а режиссёр пришёл в ярость. Юй Сян, конечно, приносил кассу, но мог запросто погубить фильм, в который столько людей вложили душу!

— Если ты такой умный, попробуй сам сыграть женственность! — Юй Сян сделал широкий шаг, его ципао развевалось, словно плащ. Он посмотрел на Янь Сюя сверху вниз: — Я столько лет в кино, и ты первый, кто посмел надо мной смеяться!

Это было потому, что все остальные смеялись только про себя.

— А я, пожалуй, смогу, — тихо ответил Янь Сюй. Он и сам не знал, откуда набрался смелости.

— Что ты сказал? — Юй Сян рассмеялся от злости. Какая наглость! Он, выпускник престижного театрального вуза, должен терпеть насмешки от какого-то статиста?

— Тогда иди и играй! — Юй Сян сорвал с себя шляпку и швырнул её в Янь Сюя.

— Что ты творишь! — ассистент был в замешательстве. Его подопечный со странностями в очередной раз выкинул нечто невообразимое.

— Режиссёр, пусть он играет! Я хочу посмотреть, что такое настоящая женственность! — Юй Сян, не обращая внимания на ассистента, подтолкнул Янь Сюя к рикше.

Режиссёр, словно заразившись безумием Юй Сяна, раздражённо опустился в кресло перед монитором. Он ни на что не надеялся — просто хотел, чтобы Юй Сян увидел, насколько жалко выглядит его игра, а потом добавить, что этот статист ничуть не лучше.

Янь Сюй, оказавшись в рикше под прицелом трёх камер, поначалу растерялся. Он, привыкший

лишь подавать чай, вдруг превратился в актёра, чья красота должна была сражать наповал. Но ему стало любопытно, на что он способен.

Для него это было просто сменой декораций: в прошлой жизни он был лучшим артистом в чайной и прекрасно знал, как заставить гостя потерять голову, даже не прикасаясь к нему.

Недолго думая, он предложил:

— Режиссёр, я хочу переодеться в другое ципао перед съёмкой.

Режиссёр сегодня столкнулся сразу с двумя чудаками, но какое-то предчувствие подсказывало ему, что этот парень не так безнадёжен. Он даже почувствовал некое подобие интереса.

— Давай быстрее! — поторопил он.

Юй Сян поставил стул за монитором, раскрыл чёрный зонт и приготовился наблюдать за позором. Массовка, пришедшая с Янь Сюем, затаила дыхание.

— Переделся? Живее! — крикнул режиссёр в рацию.

— Иду, иду! — Янь Сюй торопливо застёгивал последнюю пуговицу. Он впервые надел ципао, было непривычно, каблуки казались слишком высокими, и в итоге... он споткнулся.

Юй Сян усмехнулся, не сдержав смешка.

Режиссёр схватился за голову.

Все вокруг замерли в неловкости.

Янь Сюй отряхнулся, забрался обратно в рикшу и вытер пыль с лица — хорошо, что грим не пострадал.

— Так, все по местам, приготовились! Камера, мотор!

В одно мгновение насмешки и предвкушение позора на лицах присутствующих сменились оцепенением. Юй Сян, до этого сидевший нога на ногу, выпрямился.

Рука режиссёра, державшая рацию, непроизвольно задрожала.

Оператор был ошарашен — ему казалось, что он снимает настоящего актёра той эпохи.

Янь Сюй слегка коснулся носком туфельки красного ковра, а затем изящно, словно цветок

лотоса, оперся рукой на перила рикши. Его пальцы, тонкие и суставчатые, выглядели удивительно мягкими. Мужчина, а в нём чувствовалась такая грация!

Если бы это можно было описать словами, то это было бы похоже на путешествие сквозь века: перед глазами ожил дух актёров Китайской Республики, их манеры, их чарующая власть над душами зрителей.

Затем он медленно опустил вуаль и прикрылся веером, обнажив лишь глаза — чёрные, как обсидиан. И хотя на лице не было ни грамма косметики, в этом взгляде читалась такая кокетливость и такая манящая тайна, что это невозможно было забыть.

Его называли актёром, способным разрушить целые города, и это не было преувеличением.

Режиссёр забыл подать команду Стоп.

<http://bllate.org/book/21485/2198917>